

Е.Н. Рыжков

Интерпретация начального этапа формирования послевоенных правительств в государствах Восточной Европы (1944–1945) в работах А. Улама

В статье рассматривается исследование начального этапа формирования послевоенных правительств в государствах Восточной Европы в работах видного американского историка, многолетнего директора Русского исследовательского центра Гарвардского университета Адама Бруно Улама. Автор останавливается на ключевых моментах складывания политических систем в Польше, Румынии, Болгарии, Чехословакии и Югославии в интерпретации А. Улама, который уделяет особое внимание взаимодействию СССР с США и Великобританией, в первую очередь по польскому вопросу, а также политическому и военному влиянию Советского Союза на указанный процесс.

Ключевые слова: Адам Улам; формирование послевоенных правительств; Восточная Европа; польский вопрос; советизация.

Важной сюжетной линией в работах американских историков, посвященных внешней политике СССР периода 1945–1953 годов, является ход советизации (или сателлизации, по определению Ч. Гати) до 1947 года, т. е. формирование послевоенных правительств и складывание правительственных коалиций в странах региона, разные темпы советизации и их причины. Важной составляющей этой линии многие исследователи считают предысторию установления просоветских режимов в странах Восточной Европы, обсуждение судьбы этих стран на переговорах союзников, в том числе на конференциях в Тегеране, Ялте и Потсдаме.

Подробно на этом вопросе останавливается А. Улам. «Мало что вызывало такое трепетное желание у русских, как контроль коммунистов над Восточной и Юго-Восточной Европой» [2: с. 26]. Кроме установления режимов, которые были бы идеологически дружественны Советскому Союзу, были и другие важные стратегические причины, продолжает он. Однако А. Улам указывает на то, что все шаги в этом направлении предпринимались Сталиным с большой осторожностью и оглядкой на реакцию США и Великобритании. В качестве примера он приводит тот факт, что, хотя СССР отозвал признание Лондонского польского правительства в изгнании еще весной 1943 года, он в то же время даже на момент высадки союзников в Нормандии в 1944 году не признал «конкурирующую прокоммунистическую группу», т. е. Люблинский комитет национального

освобождения, так как американцы неожиданно могли заупрямиться и понадобилось бы компромиссное решение. Кроме того, еще в 1944 году И.В. Сталин был недоволен слишком открытой демонстрацией югославскими партизанами коммунистического характера их движения и бомбардировал Тито и его сторонников, к их вящему изумлению, просьбами вести себя менее вызывающе и даже вопрошая, почему Тито не сотрудничает с генералом Михайловичем (впоследствии казненным за сотрудничество с нацистами). Таким образом, заключает Улам, будущая быстрая сателлизация Восточной Европы далеко не воспринималась как нечто само собой разумеющееся [2: с. 26].

Далее А. Улам подробно рассматривает перипетии решения польского вопроса, как определяющего, по его мнению, все дальнейшее развитие событий в регионе. Успешное решение польской проблемы, утверждает он, являлось предметом особой важности для СССР, так как если бы России удалось получить карт-бланш в Польше, это означало бы, что ей, скорее всего, удастся преодолеть возражения союзников по поводу Румынии, Болгарии и других стран. «Доминирующая позиция в Польше была одной из основных целей войны (для СССР. — *Е. Р.*)», — пишет он [2: с. 42], поскольку дала бы СССР преимущество в случае восстановления сил антисоветской Германией. Еще в Тегеране Сталин добился от Черчилля и Рузвельта согласия «передвинуть Польшу на запад», т. е. сохранить за СССР восточные территории Польши, населенные преимущественно украинцами и белорусами в обмен на отторжение у Германии в пользу Польши Силезии, Померании и части Восточной Пруссии. Таким образом, Польша становилась ценным призом для СССР — возможностью собственно территориальных приобретений и потенциальным сателлитом, обладающим доступом к промышленным богатствам Силезии. Улам объясняет разрыв отношений между СССР и Лондонским польским правительством именно нежеланием последнего смириться с потерей восточных земель. Далее он описывает создание Люблинского польского освободительного комитета, составленного из коммунистов, которому советскими властями были передано гражданское управление областями, освобожденными от германских войск, и который они явно рассматривали как ядро будущего правительства Польши.

Улам сравнивает советскую дипломатию этого периода с военной кампанией, когда каждая словесная уступка Запада или даже намек на уступку воспринимались как незыблемая договоренность и плацдарм для нового дипломатического наступления [2: с. 42]. Так, довольно небрежная дискуссия в Тегеране по польскому вопросу стала основой для советских территориальных требований против Польши. Кроме того, Сталиным использовались исторические реминисценции часто сомнительного свойства, утверждает Улам: например, то, что еще лорд Керзон после Первой мировой войны предписывал именно такое территориальное разделение между Россией и Польшей, так почему он, Сталин, должен быть менее справедлив к своему народу, нежели чем английский лорд. От территориальных требований СССР перешел к требованиям установления такого польского

правительства, которое устраивало бы Советский Союз. Образование Люблинского комитета было очевидным шагом на этом пути.

Варшавское восстание 1944 года, пишет Улам, было отчаянным гамбитом законного (т. е. Лондонского) польского правительства, преследовавшего две цели: 1) показать миру, что оно пользуется широкой поддержкой у населения страны и что советские утверждения об отсутствии у него такой поддержки являются инсинуациями, и 2) заручиться поддержкой их требований британцами и американцами [2: с. 44] (в более поздней работе «История Советской России» Улам писал, что второй целью было предотвращение установления просоветского режима [5: с. 172]).

Бездействие советских войск, стоявших на другой стороне Вислы в течение месяцев, за которые восстание было утоплено в крови, и, более того, противодействие британским и американским войскам в снабжении повстанцев для многих поляков стало ужасным уроком политического реализма: ввиду сталинской безжалостности и индифферентности или неспособности западных союзников оказать помощь Польша, уже практически доведенная до крайности ужасами германской оккупации, вряд ли могла теперь оказывать сопротивление еще одной тоталитарной державе [2: с. 44].

Улам отмечает также интересную ситуацию, сложившуюся в отношении Болгарии. Когда Болгария попыталась в 1944 году выйти из войны и болгарское правительство начало переговоры с Союзным командованием в Италии, это вызвало парадоксальный эффект: Советский Союз, которому Болгария войны не объявляла и соответственно не могла вести с ним мирные переговоры, теперь объявил ей войну и оккупировал ее. С военной точки зрения материальные затраты и людские потери СССР вдалеке от главного театра военных действий имели столь же мало смысла, как высадка англо-американских войск, скажем, в Норвегии. Но политически присутствие Красной Армии в этой стране создавало предпосылки для того, чтобы вне зависимости от будущих протоколов, союзнических контрольных комиссий и т. д., реальная власть находилась в руках Москвы [2: с. 45].

Далее Улам обращается к теме так называемых «черчиллевских процентов» – попытке Черчилля договориться со Сталиным о разделе стран Восточной Европы на сферы влияния между Великобританией и СССР. Например, предполагалось, что в Румынии Британия должна обладать 10 % влияния, а Советский Союз 90 %, в Греции же наоборот.

Улам крайне скептически комментирует перспективу выполнения данных соглашений, учитывая отсутствие согласия США, а также абсолютную неясность фундамента, на который опирались эти процентные деления. Скажем, пишет Улам, каким образом Британия собиралась претендовать на 20 % влияния в Болгарии, принимая во внимание тот факт, что все перечисленные страны в скором времени будут оккупированы советскими войсками (или, как в случае с Югославией, местным коммунистическим Сопротивлением)? Зачем СССР при таком

раскладе уступать Британии даже 1 %? Единственным исключением была Греция, однако воздержание Сталина от помощи греческим коммунистам во время декабрьского восстания 1944 года было продиктовано, конечно, не процентным планом Черчилля, а тем простым фактом, что поблизости не было Красной армии, а стало быть, у Сталина не было причины вступать по этому поводу в какие-либо столкновения с британцами.

Польша, отмечает Улам, вообще не упоминалась в этом плане, и подтекст был ясен: британцы смирились с тем, что Польша будет находиться полностью в советской сфере влияния, хотя и надеялись еще спасти ее от чисто коммунистического режима. Премьер Миколайчик был вызван в Москву, и Черчилль безжалостно заставил его согласиться с советскими территориальными претензиями и достичь компромисса с «люблинскими поляками». Хотя у Черчилля, пишет Улам, не было сомнений в том, что последние являются советскими марионетками, он чувствовал, что быстрое решение польского вопроса позволит рассчитывать на то, что Сталин будет более уступчив в других вопросах и оставит Польше хоть какие-нибудь осколки независимости. Американцы также оценили бы решение этой острой проблемы без необходимости их участия. Однако Миколайчик, который склонялся к компромиссу с русскими, встретил резкое противодействие со стороны своего кабинета и ушел в отставку в ноябре 1944 года. Следующее польское правительство в Лондоне фактически игнорировалось и англичанами и американцами [2: с. 48].

В книге «Сталин. Человек и его эра» Улам также указывает еще одну важную причину, в силу которой не срабатывали ни процентный план, ни иные схемы противодействия превращению Восточной Европы в сферу влияния СССР — американское и британское общественное мнение, которое желало мира и продолжения дружбы с Советским Союзом. Мало кто в таких условиях стал бы подвергать эту дружбу опасности ради какой-нибудь маленькой балканской страны, или чтобы не один, а другой политический деятель с непрогнозируемой фамилией стал премьер-министром Польши. Советские вожди, пишет Улам, очень хорошо разбирались в основах политики западных демократий. С окончанием войны также прекращались почти диктаторские полномочия британского кабинета и американского президента в области внешней политики. Черчилль призывал Сталина не пренебрегать глубокой озабоченностью западных держав по поводу Восточной Европы. Но Сталин помнил слова Рузвельта в Ялте о том, что Конгресс и американское общественное мнение не позволит американским войскам оставаться в Европе более двух лет после капитуляции Германии. А чего стоит «глубокая озабоченность», если она не подкреплена войсками? [4: с. 620].

Советский Союз, пишет далее Улам в книге «Соперники», занял нейтральную позицию в отношении восстания греческих коммунистов в ноябре – декабре 1944 года. Их попытка захватить Афины была явно предпринята без побуждения или поддержки со стороны СССР. Черчилль на этом основании предположил, что

русские придерживаются его процентного плана, но истинная причина состояла в том, что у СССР не было оснований придти в столкновение с интересами Запада там, где их собственные жизненные интересы не затрагивались. Важнейшим вопросом послевоенного устройства для Сталина оставался польский вопрос, и он не собирался позволять греческим партизанам отвлекать на себя его внимание [2: с. 50].

Проблема обеспечения согласия американцев на замену германского доминирования в Восточной Европе советским, что напрямую шло вразрез с позицией как американских политиков, так и общественного мнения, стала в последний период войны основной целью советской дипломатии, считает Улам [5: с. 174].

Исследователь снова упоминает один из основных, по его мнению, приемов сталинской дипломатии — немедленное использование неловких шагов своих союзников-оппонентов. Так произошло с вопросом признания Люблинского комитета Временным правительством Польши, когда просьба Рузвельта к Сталину повременить с признанием до Ялтинской конференции вызвала прямо противоположный эффект и побудила советского вождя ускорить процесс признания, ссылаясь на Верховный Совет СССР. Улам отмечает, что многие на Западе долгое время наивно полагали, что, при лично доброжелательном настрое Сталина по отношению к Западу, он не обладает всей полнотой власти, когда речь идет о внешней политике и подвергается давлению со стороны «ястребов» в Политбюро [2: с. 51].

Обращаясь к теме Ялтинских соглашений, Улам пишет, что после войны Ялта приобрела зловещую репутацию в американском обществе: ведь именно там был «продан» Китай, а Запад впервые согласился на катастрофическое решение германского вопроса. Однако, отмечает он, скорее сам дух Ялты, чем какие-то конкретные решения, нанесли такой вред советско-американским отношениям.

При рассмотрении в Ялте вопроса признания Люблинского комитета Временным правительством Польши Сталин продемонстрировал вершины своего личного дипломатического искусства, считает Улам. В этом ему помогало удивительное знание деталей, с помощью которого он ставил своих оппонентов в неловкое положение и заставлял их занимать оборонительную позицию. В частности, он сравнивал Люблинский комитет с правительством де Голля, которое также никто не избирал, но тем не менее оно было признано и американцами, и англичанами. Утверждал, что в отличие от «люблинских поляков» лондонское правительство давно потеряло связь со своим народом, отсутствуя в стране более 5 лет. (На самом деле лондонское правительство в этот момент возглавлял недавно прибывший из Польши деятель Сопротивления, но ни Рузвельт, ни Черчилль не помнили об этом.) Он никогда не прибегал к открытым угрозам, лишь намекал на возможные зловещие последствия «упрямства» западных держав. «СССР, — заявил он Черчиллю, — имеет

право требовать установления в Польше режима, который был бы дружествен по отношению к Советскому Союзу» [4: с. 619].

Результатом стало то, что Сталин добился почти всего, чего желал: существующее Временное правительство Польши, составленное из «люблинских поляков», стало ядром будущего Правительства национального единства, в которое также приглашались демократические лидеры, находящиеся как в Польше, так и за границей, и процесс его формирования должен был контролироваться московской комиссией, состоящей из Молотова и послов Америки и Британии. Это означало практический, хоть еще и не формальный отказ Запада от легитимного правительства в Лондоне [2: с. 56].

Решение по Польше, продолжает Улам, поставили под удар и Декларацию об освобожденной Европе, провозглашенную на конференции, так как она предусматривала, что Большая тройка будет придерживаться свободного самоопределения наций, освобожденных от нацистского режима, выраженного через свободные выборы. Ибо как, удивляется Улам, можно было передать власть над страной (Польшей) иностранной державе да еще требовать, чтобы это было сделано через свободные выборы в соответствии с высокими принципами морали и демократии? [2: с. 57].

Именно впечатление, вынесенное русскими из тона проходивших в Ялте переговоров, заключает Улам, было немедленно транслировано в возросшее давление на страны, оккупированные Красной армией. В Румынии короля Михала жестоко принудили к назначению контролируемого коммунистами правительства. В Югославии Тито ускорил выполнение задачи по удалению некоммунистических элементов из правительства и прекращению компромисса с роялистами, на который Черчилль возлагал так много надежд. Президент Чехословакии Бенеш после посещения им Москвы в марте 1945 года реорганизовал правительство с целью включения в него нескольких коммунистов и назначил премьер-министром Зденека Фирленгера, который хоть еще и не являлся членом коммунистической партии, но, будучи послом в Москве, в полной мере стал так называемым «попутчиком».

Декларация об освобожденной Европе стала, таким образом, не столько неэффективной, сколько вообще не относящейся к реальной обстановке, так как ее положения не срабатывали против реального или надвигающегося присутствия Красной армии, против истощения людей и разрухи в освобожденных странах, которые побуждали политиков искать союза с русскими или подчиняться им или их местным друзьям [2: с. 58].

В особенности, по мнению Улама, «дух Ялты» проявился в событиях в Польше. Для Молотова работа Комиссии трех держав по организации будущего польского режима означала взятие за основу Польского временного правительства, состоявшего из «люблинских поляков», и добавление к нему нескольких подходящих для Советского Союза фигур. Он отвергал большинство предлагаемых американским и английским коллегами «демократических» кандидатур на основании

того, что они связаны с фашизмом, не подходят Временному правительству и т. д. Тем временем для того, чтобы оказать поддержку Временному правительству, которое столкнулось с повсеместным, хотя и пассивным сопротивлением польского населения, активизировали свою деятельность соединения НКВД, вошедшие в страну с Красной армией. В марте 1945 года под предлогом встречи с советскими военными властями 16 лидеров польского сопротивления, связанного с Правительством Польши в Лондоне, были вызваны в штаб маршала Жукова и арестованы, несмотря на гарантии безопасности. Советские военные власти также не допускали представителей союзников инспектировать места содержания освобожденных Красной армией американских военнопленных, поскольку явно не хотели допускать на польскую территорию иностранных наблюдателей, которые могли бы поведать миру о действиях Красной армии и советских секретных служб.

Все эти события привели к столкновениям и острой дипломатической переписке между Рузвельтом и Сталиным, в которой американский президент выражал недовольство действиями советских представителей в Польше и Румынии, преследованиями политических противников коммунистов в Польше и чинимыми американскому и английскому послам препятствиями со стороны советских оккупационных властей. Однако, отмечает Улам, «дух Ялты» проявлялся в том, что Сталин явно полагал, что изучил своих американских друзей вдоль и поперек и может пренебрегать их возражениями [2: с. 59].

Сталин знал также, что и новый президент США Трумэн, опасаясь реакции общественного мнения, не может резко поменять политику США, поэтому спокойно и жестко реагировал как на совместную англо-американскую ноту от 18 апреля 1945 года с протестом против действий СССР по формированию нового польского режима, так и на недовольство Черчилля в связи с невыполнением процентного плана в Югославии, где деление 50 на 50 явно не соблюдалось в связи с очевидной преданностью маршала Тито Советскому Союзу.

Сталин явно чувствовал, пишет Улам, что жесткие высказывания Трумэна не будут подкреплены соответствующими действиями, и будет неправильно дать понять, что на позицию Советского Союза можно повлиять несколькими резкими словами. И это было правильной оценкой ситуации, так как в сложившейся ситуации западные лидеры не имели бы ни политической, ни моральной поддержки общественного мнения своих стран в случае начала конфронтации с СССР. И в этот момент не было никаких шансов исправить политические ошибки западных союзников в Тегеране и Ялте, так как было маловероятно, что Советский Союз прислушается к протестам Запада и еще менее вероятно, что общественное мнение поймет и поддержит жесткий курс в отношении СССР [2: с. 66].

Советскую политику в отношении Восточной Европы нельзя было изменить, но на нее можно было бы повлиять, считает Улам, если бы США продолжали занимать жесткую позицию, что доказывает отступление Тито из Триеста под давлением Сталина. Однако в отсутствие таковой, миссия

Гарри Гопкинса, отправленного Трумэнном в Москву для поиска компромисса по польскому вопросу в преддверии Потсдамской конференции, провалилась, так как была основана на ошибочном предположении, что Сталин готов к компромиссу, но вынужден принимать во внимание жесткую противоположную позицию Молотова. Невозможно поверить в то, что Молотов, который не мог даже предотвратить ссылку собственной жены, был в состоянии повлиять на принимаемые Сталиным внешнеполитические решения, комментирует Улам [2: с. 67].

Польский вопрос был, таким образом, решен в полном соответствии с требованиями русских, продолжает он. В польское правительство было допущено лишь несколько «посторонних», а их лидер Миколайчик был назначен заместителем премьер-министра, не получив ни реальной власти, ни влияния. А ведь еще несколько месяцев назад русские охотно согласились бы на назначение его премьер-министром.

К началу Потсдамской конференции, пишет Улам, советская сфера влияния в Восточной Европе и Германии не являлась *fait accompli*. Американская делегация прибыла в Потсдам обремененная массой документов, касающихся действий советских представителей в странах, оккупированных Красной армией, в частности жалобой американского представителя в Союзной контрольной комиссии в Болгарии на то, что его не информируют о деятельности Комиссии, сам он фактически является заключенным, изолированным от окружающего мира, а болгары, занимающие антикоммунистические позиции, подвергаются гонениям. Однако попытки поднять эти вопросы на конференции, посвященной репарациям с Германии и передаче Польше германских земель в качестве компенсации за перешедшие к СССР польские земли, ни к чему не привели, натолкнувшись на жесткий ответ Сталина, суть которого состояла в том, что в Болгарии и Румынии есть теперь собственные демократические правительства и не следует вмешиваться в дела этих суверенных стран, тем более что Советский Союз не вмешивается, скажем, в действия Великобритании в Греции [2: с. 73].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что А. Улам считает определяющей роль Советского Союза в формировании послевоенных правительств в странах Восточной Европы при фактической политике невмешательства в этот процесс со стороны его западных союзников — США и Великобритании.

Литература / Literatura

1. *Ulam A. Titoism and Cominform*. N. Y., 1951. 251 p.
2. *Ulam A. The Rivals: America and Russia since World War II*. N. Y., 1971. 520 p.
3. *Ulam A. Expansion and Coexistence. The History of Soviet Foreign Policy 1917–1973*. N. Y., 1973. 680 p.
4. *Ulam A. Stalin: the man and his era*. N. Y., 1973. 760 p.
5. *Ulam A. The history of Soviet Russia*. N. Y., 1976. 312 p.
6. *Ulam A. The communists: the story of power and lost illusions*. N. Y., 1991. 528 p.

E.N. Ryzhkov

The Interpretation the Initial Stage of the Formation of the Postwar Governments in the States of Eastern Europe (1944–1945) in the Works of A. Ulam

The article considers the study of the initial stage of the formation of the postwar governments in the states of Eastern Europe in the works of a prominent American historian and longstanding Director of the Russian Research Center of Harvard University Adam Bruno Ulam. The author dwells on the key aspects of formation of political systems in Poland, Romania, Bulgaria, Czechoslovakia and Yugoslavia in A. Ulam's interpretation, who pays special attention to the interaction of the USSR with the USA and Great Britain, primarily, on the Polish issue, as well as political and military influence of the Soviet Union on this process.

Keywords: Adam Ulam; formation of the postwar governments; Eastern Europe; Polish issue; sovietization.